

Сандыбаева Улболсын Майтановна, канд. философских наук, доцент

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,

Казахстан, г. Нур-Султан

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: МЕМОРИАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ ПАМЯТИ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В КАЗАХСТАНЕ

Аннотация: Эпоха «всемирного торжества памяти» актуализировала много сложных вопросов, связанных с такими понятиями как «забвение», «вытеснение», «травма». Сегодня мы наблюдаем как формируется особая инфраструктура памяти в разных странах, как память становится важным агентом перемен, влияя на переосмысление прошлого. В мемориальном ландшафте Казахстана наблюдается разные тенденции. С одной стороны, «замена и вытеснение» советских памятников либо соединение их в единое поле травматической памяти, с другой стороны процессы меморизации личностей, исторических событий, способствующих формированию национальной идентичности.

В статье акцентируется внимание на меморизации и практиках памяти о гражданской войне начала XX века в Казахстане. Память о гражданской войне рассматривается как «трудное наследие» для страны. В Казахстане есть разные акторы памяти со своими нарративами и коллективной травматической памятью об этих событиях. Понимание того, как различные акторы относятся к трудному наследию, травматическому прошлому важно, поскольку память способна содействовать примирению общества. Должны ли быть памяти конкурирующими или нужно попытаться как-то осмыслить все в рамках многонаправленной памяти, способствующей диалогу?

Ключевые слова: культурная память, коллективная память, места памяти, забвение, гражданская война, мемориальный ландшафт, памятники, идентичность.

Annotation: The era of the "worldwide celebration of memory" has actualized many complex issues related to such concepts as "oblivion", "repression", "trauma". Today we observe how a special memory infrastructure is being formed in different countries, how memory becomes an important agent of change, influencing the rethinking of the past. Different trends are observed in the memorial landscape of Kazakhstan. On the one hand, the "replacement and displacement" of Soviet monuments or their combination into a single field of traumatic memory, on the other hand, the processes of memorization of personalities, historical events that contribute to the formation of national identity.

The article focuses attention on memorization and practices of memory of the civil war of the early 20th century in Kazakhstan. The memory of the civil war is considered as a "difficult legacy" for the country. There are various memory actors in Kazakhstan with their own narratives and collective traumatic memory of these events. Understanding how different actors perceive a difficult legacy, a traumatic past, is important because memory is able to help bring about social reconciliation. Should memories be competing or should we try to somehow comprehend everything within the framework of a multidirectional memory that facilitates dialogue?

Key words: cultural memory, collective memory, places of memory, oblivion, civil war, memorial landscape, monuments, identity.

Введение. В современном социо-гуманитарном знании память является одним из ключевых концептов, и сегодняшняя эпоха «всемирного торжества памяти» [1] актуализировала много сложных вопросов, связанных в том числе, с понятиями «забвение», «вытеснение», «травма». Об актуальности концепта свидетельствуют такие направления исследования как memory studies, trauma studies. Следует отметить, что именно через работу акторов памяти прошлое

входит в настоящее, репрезентируется разными способами. Как показывают события в мире, связанные с уничтожением или переносом памятников, память становится важным агентом перемен, влияя на переосмысление прошлого. Итак, создание особой инфраструктуры коллективной памяти охватывают все больше и больше стран.

В мемориальном ландшафте Казахстана наблюдается с одной стороны, «замена и вытеснение» советских памятников, с другой стороны процессы меморизации личностей, исторических событий, способствующих формированию национальной идентичности. Актором, прежде всего, выступает государство, иницируя масштабные программы и проекты, как например, программа Рухани жангыру с такими проектами как «Сакральная география Казахстана», «Туган жер» [2].

Изучению новых практик памяти посвящена коллективная монография «Практики и места памяти в Казахстане», основанная на обширном полевым материале, в ней также представлен реестр «мест памяти». Особое место в мемориальном ландшафте страны занимает тема травматической памяти, связанной с политическими репрессиями и техногенными катастрофами [3]. В стране есть мемориалы и музеи, в которых репрезентируется эта память [4].

Процессы меморизации определенных событий и личностей являются важными символическими ресурсами для нациостроительства. Во всей этой инфраструктуре памяти есть мемориалы и даже музеи, репрезентирующие память о гражданской войне начала XX века. Эта тема оказалась не исследованной.

Собственно, как выстраивается политика памяти, как создается мемориальный ландшафт памяти в стране, будет рассмотрено на примере «мест памяти» о гражданской войне в Казахстане. «Парадоксальным образом, общество должно всегда хорошо помнить, что именно ему следует забыть» [5, с. 461]. Следующее, что необходимо учитывать при исследовании памяти, это то, что между исторической политикой и мемориальной культурой имеются расхождения [6].

Методология исследования. Методологической основой исследования послужили концепты «мест памяти» П. Нора [7], коллективной памяти М. Хальбвакса [8], культурной памяти Я. Ассмана [9], мемориальной культуры А. Ассман [6]. Одним из междисциплинарных направлений коммеморативных исследований является *trauma studies*, в которой представлены идеи о пластичности социальной памяти, невыразимости травмы, социальных последствиях тоталитаризма. А. Ассман в работе «Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна» показывает, что сосредоточенность на модернизации вытесняла из сознания страдания, игнорировала историю жертв [10]. Волну дискуссий породила и тема взаимосвязи забвения и прощения, в частности в трудах Х. Арендт, П. Рикер и других философов. Однако отметим, что так называемая виктимологическая парадигма претерпевает сегодня изменения.

Одна из продуктивных теоретических позиций, полагаю, это концепция Розберга «*multidirectional memory*» [11]. Она расширяет методологические подходы к исследованию памяти, преодолевая непродуктивную позицию конкурентной памяти, то есть, разнонаправленная память предполагает разговор конкурирующих сторон.

Материалы статьи основаны на полевых исследованиях регионов, методах включенного наблюдения, ассамбляжа, визуального анализа.

Меморизация памяти о гражданской войне

Память о гражданской войне начала XX века – это трудное наследие для страны, связанное с установлением советской власти, жесткостью по отношению друг к другу разделенных сторон, таких как «белые», «красные», а также по отношению к населению. Захватывая временно власть, каждая сторона применяла карательные меры. Трагичность ситуации заключалось и в том, что члены одной семьи могли оказаться на разных сторонах. Многие из тех, кто защищал советскую власть или стал впоследствии сторонником её, оказались репрессированными этой же властью в 30-е годы. Отсюда дискурс о несправедливости советского строя.

Ассман А. в упомянутой работе «Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна» во введении пишет, что «Блох проводил четкое различие между гуманными революциями, с одной стороны, и войнами, направленными исключительно на захват территорий и господства, с другой. Революция – это повивальная бабка, помогающая рождению добра, истины и справедливости. «Особенно русская революция, – подчеркнул Блох, – разительно отличалась от захватнической войны, ибо являлась родовспомогательным актом, способствующим появлению того неантагонистического строя, которым было беременно старое общество» [10, с.3]. Ассман выражает несогласие с данной позицией Блоха, ссылаясь на сталинские репрессии и новые трактовки революции как «государственного переворота» [10, с. 3]. Это безусловно отразилось и на процессах коммеморации в постсоветских государствах.

В Казахстане есть разные акторы памяти со своими нарративами и коллективной травматической памятью об этих событиях и, безусловно, государство проводит определенную коммеморативную политику памяти в отношении данных событий.

Современная территория Казахстана в годы гражданской войны была местом военных действий разных общероссийских фронтов, последний фронт гражданской войны был ликвидирован в стране в 1920 году.

О данных событиях напоминают множество памятных мест, особенно в виде небольших обелисков, установленных на братских могилах. Памятники, мемориалы были установлены в советский период, в период независимости страны некоторые из них были реконструированы или перенесены в другие места, менее заметные в публичных пространствах, имеет место и практика перезахоронений на христианские кладбища, установление крестов, часть памятников разрушились. Наблюдается и новая практика объединения памятников, связанных с трагическими событиями 20 века в единые мемориалы, например, памятники погибшим в гражданской войне, Второй мировой войне, локальных войнах (Афганистан, Таджикистан), техногенных катастрофах,

(Чернобыль, Семей), декабрьских событиях 1986 года. Остановимся на некоторых репрезентациях этой сложной памяти.

Прежде всего отметим, что большую роль в сохранении и трансляции исторической памяти играют музеи как социальные институты, они же являются и «местами памяти». Возникают и сложные вопросы о связи памяти с понятием вины, этот дискутируемый момент создает почву для конфликта интерпретаций национальных моделей коммеморации. Пожалуй, музеи и реализуют право на собственное видение мира, идентичность [6]. Более того, они становятся публичными пространствами, способными выразить невыразимое - травматический опыт, сопротивляющийся репрезентации. В мировой практике есть такие музеи как музеи памяти или совести. Это культурные институты, в которых совмещается репрезентации, нарративы об историях страдания, насилия. В Казахстане есть несколько специализированных музеев памяти или совести: Музей памяти жертв политических репрессий поселка Долинка, Музейно-мемориальный комплекс жертв политических репрессий и тоталитаризма «АЛЖИР», Южно-Казахстанский областной музей жертв политических репрессий, Музей памяти жертв политических репрессий в селе Жаналык Алматинской области. Экспозиции этих музеев вписываются в мировой дискурс о тоталитарных режимах. В контексте памяти о гражданской войне в Казахстане есть один музей, посвященный Черкасской обороне, событию в Семиречье в годы гражданской войны, когда группа сел крестьян-переселенцев с центром в селе Черкасское, организовала самооборону, которая длилась почти год. Сегодня это Сарканский район Алматинской области. Эти события были частично описаны Д. Фурмановым в произведении «Мятеж», режиссером А. Карсабек был снят хроникально-документальный фильм «Черкасская оборона» в 1970 году. Уникальность музея в сохранении трудной локальной памяти и в этом большая заслуга директора музея Е. Ракецкой, сумевшей в трудные 90-е годы сохранить музей, учитывая, что к музею было непросто добраться. Экспонаты были собраны, когда еще были живы многие участники обороны. Музей был открыт 1968 году в здании, где в годы войны

размещался Боевой Совет. В 1973 году на холме установили мемориальный комплекс, состоящий из трех пирамид, в центре между которыми установлен вечный огонь. Фризы пирамид имеют острые грани, а в основании пирамиды представлены извилистые линии, трубы, острые выступы, символизируя жестокую борьбу защитников, оружие, окопы и укрытия. На центральной пирамиде расположена стилизованная звезда и надпись на двух языках «Слава героев не померкнет в памяти народной 1918-1919», а у ее основания перед вечным огнем название всех сел, участвовавших в обороне. Авторы мемориала - Т. Сулейменов и А. Ордабаев.

В 1978 году было построено новое здание музея. К 100-летию начала гражданской войны были отреставрированы монумент, здания, изменен фасад музея, появились новые экспозиции. В двух зданиях функционируют разные экспозиции. В новом здании расположен Музей истории Сарканского района, где представлена история края с дореволюционного периода до современного этапа. История собственно Черкасской обороны представлена отдельно, становясь маргинальной.

В Костанае о кровавых событиях гражданской войны напоминает «Красная расстрельная стена». Эта стена выложена из красного глиняного кирпича и является фрагментом амбара, на ее поверхности видны следы пуль. На мемориальной доске есть надпись: «У этой стены в апреле 1919 года каратели Колчака проводили массовые расстрелы красногвардейцев, красных партизан, партийных и советских работников г. Кустаная и Кустанайского уезда».

В Парке Победы города есть еще одно место памяти - Братская могила. В 30-годы здесь был установлен деревянный обелиск, который заменили на железобетонный в 1951 году, в 1979 году, к столетию города, установили стелу, а в 2008 году выложили мраморную плиту и новую стелу с надписью «Вечная память погибшим в годы Гражданской войны».

Через северный регион Казахстана проходила Транссибирская железнодорожная магистраль, поэтому во время гражданской войны регион имел особое значение как для большевиков, так и для белогвардейцев. В

Петропавловске можно увидеть стелу 1957 года с красной звездой на территории старого кладбища, сейчас это небольшой сквер. Надпись на стеле: «Здесь захоронены активные борцы за советскую власть в г. Петропавловске, расстрелянные белогвардейцами в апреле 1919 года».

Такие стелы встречаются во многих городах и поселках Казахстана, и установлены они на месте захоронений. В этом же городе на окраине есть камень, надпись на котором указывает, что это место расстрела. Захоронения же находятся в «Пятом логе». Есть и заброшенные могилы, памятники в труднодоступных местах. Например, Братская могила венгров находится на развилке железной дороги Омск – Кокшетау, на ней установлена стела с красной звездой с указанием имен погибших во времена бело-чешского мятежа в 1918 году [12]. В мире есть такая практика как dark tourism или мрачный туризм. В нашей стране это связано с трагическими событиями 20 века и соответственно наличием транснациональных маршрутов травматической памяти, в частности, это места лагерей Гулага, лагерей и кладбищ для военнопленных и интернированных во время Второй мировой войны. Одно из самых известных кладбищ – это Спасское мемориальное кладбище в Карагандинской области, где установлены памятные знаки многими государствами. Автор статьи принимал участие в сопровождении группы туристов из Венгрии, которые специально приехали на Спасское кладбище, где они совершали определенные ритуалы у памятного знака погибшим венграм. Это сюжет важен для понимания того, как произошел раскол памяти в бывших социалистических странах. В посткоммунистических странах Восточной Европы память о коммунизме остается горячей темой [6]. В Венгрии есть большой музей - Дом террора, посвященный периодам тоталитарной истории Венгрии. Наверяд ли сегодня кто-то будет искать места захоронения венгров, которые встали на сторону большевиков.

Таких памятных мест много, в одном только Кызылжарском районе имеется 21 памятных знаков участникам гражданской войны. Обратим внимание на то, что часто о заброшенных памятных знаках заботятся разные группы.

Например, группа «Free riders» привела в порядок братскую могилу красноармейцев на берегу Ишима, погибших при штурме города в 1919 году. Они восстановили первоначальный вид памятного знака и установили ограду [12].

Есть и другие практики памяти, связанные с другим взглядом на историю прошлого и другими нарративами. Например, популярными становятся, как в России, так и в Казахстане, маршруты «По местам Колчака». Личность адмирала переосмысливается и даже романтизируется. Учитывая, что адмирал с армией был некоторое время в Петропавловске и, по словам жителей, совершил поездку в глубь степей, существуют легенда, особенно она популярна в Айыртаусом районе, о спрятанном золоте в окрестностях села, отсюда и название маршрута «Золото Колчака».

В других регионах Казахстана имеются аналогичные памятные знаки, надписи могут немного отличаться, например «зверски убитый колчаковскими бандитами». В Павлодаре в городском сквере на братской могиле установлен памятник из бетона в виде двух фигур на высоком постаменте. Одна фигура казаха (в традиционной зимней шапке), вторая фигура славянской внешности со знаменем в руке. Рядом расположена плита из гранита с фамилиями 27 погибших. В нижнюю часть постамента встроены прямоугольный блок, на котором можно увидеть текст «Вечная слава борцам, павшим за установление власти Советов в городе Павлодаре». На данном месте первоначально был памятный знак (1920 году), в 1957 году появилась скульптурная композиция, реконструированная в 1975 году. Авторы - скульптор С. Якубович, архитектор А. Цой.

В Актобе в одном обелиске объединена память о погибших актюбинцах в годы гражданской войны и Второй мировой войны, эта идея была предварительно обозначена на камне в 1969 году. Обелиск был установлен в 1970 году, авторы проекта - архитектор Т. Джанысбеков и скульптор Н. Соболев. В 2015 году была проведена реконструкция обелиска к 70-летию Победы, дополнительно была выстроена стена из гранита с пятиконечной звездой и

названием городов-героев. Тема гражданской войны практически вытеснена и Обелиск ассоциируется сегодня с Великой Отечественной войной.

В Уральске также можно наблюдать объединение в монументе двух событий - гражданской войны и второй мировой войны. На набережной реки Чаган расположен Монумент славы. Монумент имеет прямоугольную форму с рельефом в плакатной манере. На одной стороне изображены молодая женщина и рабочий, на другой воин и красноармеец и надписи: «Этих дней не смолкнет слава», «Мы наш, мы новый мир построим». Еще одна практика наблюдается здесь, когда капсулы с землей из братских могил закапывают у мемориалов.

Отношение к памятникам, связанным с этими драматическими событиями в городе неоднозначно, например, местных казаков не устраивает наличие большого памятника Чапаеву на привокзальной площади, для них это травматическая память, связанная с уничтожением казачества. Тема казачества и их коллективная память – это отдельная тема исследования, отмечу, что в этом городе есть музей «Старый Уральск», который и репрезентирует в большей степени коллективную память и идентичность этой группы. Или история с памятником юному герою гражданской войны Мише Гаврилову, который перенесли из исторического центра на территорию военно-технической школы. Памятник потерял актуальность в период независимости страны, возможно, и сам герой является идеологическим конструктом.

В Алматы в Парке имени 28-ти героев-панфиловцев в оформлении мемориала представлена также тема гражданской войны. В городе есть сквер, где размещены памятники советской эпохи. Например, памятник Борцам Октябрьской революции в виде четырех фигур, символизирующих коммуниста, идущего вперед казаха, поднимающегося с колен пролетария и казака, который идет вместе со всеми, но при этом оглядывается назад. Идеологический контекст считывается с памятника.

Обелиски и могилы можно встретить в Акмолинской области. Например, в небольшом городе Акколь в 30-е годы на центральной площади был установлен многоступенчатый белый обелиск со звездой и с текстом «Вечная слава борцам,

отдавшим жизнь за Советскую власть», а также с указанием имен. Традиционная советская практика меморизации. В основном такие памятные знаки ставили на местах захоронения. Этот памятник был демонтирован, а останки перезахоронены на православном кладбище с установлением небольшого обелиска. Вообще, центральные площади играли и играют особую роль в пространстве особенно малых городов, населенных пунктов. Они имеют не только идеологическое значение как место проведения массовых мероприятий, но это и интерсубъективное пространство, здесь человек являет себя обществу и хочет быть услышан.

На центральной площади этого города теперь установлен мемориал защитникам родины и реализована ранее указанная практика совмещения разных памятей. В частности, установлены памятные плиты из мрамора с именами павших в годы гражданской войны, Второй мировой войны, войны в Афганистане. Показательна и скульптурная композиция, состоящая из трех солдат, одежда которых маркирует принадлежность к разным войнам. Характерными чертами подобных мемориалов являются монументальность и типичные советские символы воинской скорби.

В Семее помимо традиционных обелисков имеется символический мемориальный комплекс «в честь героев революции и гражданской войны», но называют его жители «Вагон смерти». Мемориал установлен к 60-летия Октябрьской революции в 1977 году и напоминает о «белом терроре». По приказу атамана Анненкова в городе были установлены «вагоны смерти». Писатель Сакен Сейфуллин, как «враг народа» расстрелянный в 1938 году, на основе собственных воспоминаний, описывает эти «вагоны Анненкова» в романе «Тернистый путь». Композиция состоит из фигуры трубача (классический образ глашатая революции), трех вагонов, причем третий вагон практически в натуральную величину. Вагон открыт и видны фигуры замученных людей. На вагонах есть надписи: «Вечная память. Оплатили они полной мерой счастье всех грядущих веков», «Героические борцы за мировую революцию. Ваш путь сквозь гибель к бессмертию не забудут потомки». Частью

композиции являются скульптуры женщин, символизируя страдания мирных жителей. Композиция создана по проекту ленинградских скульпторов А. Тихомолова, О. Ключкина, А. Семченко, архитектора М. Михайлова.

Как наслаиваются разные пласты памяти можно увидеть на еще одном примере. По трассе Караганда-Каркаралинск расположены Стелла Независимости, Памятник Бухар жырау и большой Поклонный крест, обнесенный оградой. Считается, что это место казни псаломщика Исидора Решеткина и священника Леонида Лебедева, убитых красноармейцами. В 2000 году Русской Православной церковью они причислены к лику новомучеников. В самом поселке Ботакара есть Свято-Троицкий собор, сохранившаяся с дореволюционных времен, причем деньги на постройку храма были пожертвованы в начале XX века известным святым Иоанном Крондштатским. Здесь же находится и обелиск борцам за советскую власть, установленный еще в 1921 году. Можно услышать и истории о том, как саблями на сопке Жоланды были убиты красноармейцы. Существуют разные версии гибели священников и красноармейцев, причем рассказанных свидетелями событий. Если возле обелиска проводили публичные мероприятия в советский период, то сегодня это место никого не интересует, главным памятным местом становится храм и поклонный крест. Это пример взаимосвязи памяти и идентичности.

В статье невозможно охватить все места памяти, это и не является целью, да и официального учета этих памятных знаков нет. Если использовать концепты Я. Ассмана [10], полагаю, что в нашем случае речь может идти о коммуникативной памяти, которая временна и требует интерсубъективного поля группы. Культурная память же объективируется в коммеморативных практиках. Это больше относится к мемориалам, посвященным Второй мировой войне. Последний приведенный кейс свидетельствует о том, что благодаря определенным локальным акторам, память группы начинает объективироваться в коммеморативные практики и обретает черты культурной памяти, но очень локальной группы.

А если посмотреть с позиции Нора [7], то скорее мы можем применить понятие «доминируемые» места памяти, поскольку они не вписываются в нарративы национальной памяти, а обусловлены памятью определенных групп.

Представленные примеры свидетельствуют и о том, что память – это и «эмоциональное переживание, связанное с реальным или воображаемым воспоминанием и допускающее всевозможные манипуляции, изменения, вытеснения, забвения. Она связана с прямым или опосредованным личным переживанием событий прошлого» [13]. Память имеет индивидуальное измерение и, как отмечает в интервью П. Нора, «противоречия и конфликты памяти – неотъемлемое свойство современного мира» [13].

Важно обратить внимание на то, что мемориалы являются в какой-то мере маркерами исторической памяти. Волну дискуссий породила и тема взаимосвязи забвения и прощения. В частности, П. Рикер рассматривает забвение в триаде «память-история-забвение» и показывает многообразие этого феномена, от простого забывания имен до уклонения, лицемерия, мотивом которых является не ведать о зле [14]. Эти вопросы продолжают обсуждаться в гуманитарных исследованиях, так как являются важными практическими проблемами для обществ, переживших травматический опыт. Как видно из примеров, в нашей стране политика памяти требует изучения и расширения поля дискуссий.

Заключение

Содержание памяти не является окончательным, оно может дополняться, меняться в новых актах припоминания и контекстах, она может быть коллективной, индивидуальной, культурной и исторической, неформальной и ритуализованной и так далее. Понимание же того, как различные акторы относятся к трудному наследию, травматическому прошлому важно, поскольку память способна содействовать примирению общества. Это тема и ответственности общества. «Фраза, впервые ставшая широко известной из радиолекции Теодора Адорно и изначально обращенная к учителям и интеллектуалам («невозможность повторения Аушвица должна быть главным требованием для всякого образования»), спустя несколько лет преобразовалась в

формулу, запечатленную на пяти языках в мемориале, установленном в 1968 году в Дахау» [15, с. 7]. Сегодня слова «никогда снова» приобрели глобальное значение. Практики насилия и уничтожения не должны быть актуализированы.

Проблема в том, как мы используем нарративы для того, чтобы помнить и для чего репрезентируем прошлое.

Не смотря на обилие памятником, их сносы и перемещения, установление новых, практики репрезентации в одном мемориале разных событий, объединенных темой травматической и героической памяти, все, что связано с трудным наследием в Казахстане недостаточно артикулировано в публичных дискуссиях и много еще зон замалчивания.

При исследовании памятников необходимо учитывать, кто производит ту или иную практику памяти, кто ее артикулирует, кто является актором памяти. Эти вопросы актуализируются на примере меморизации памяти о гражданской войне в Казахстане, учитывая, что страна является полиэтнической и поликонфессиональной.

Итак, поскольку Казахстан оказался местом военных действий разных общероссийских фронтов, память о гражданской войне была активно меморизована в советские годы, причем если в 20-е годы это были памятные знаки в виде небольших обелисков, часто деревянных, на местах захоронения, то уже в 50-70 годы устанавливаются монументы, мемориалы, бюсты революционерам. Часто это связано с юбилейными датами. С обретением Казахстаном независимости, меняется политика памяти. Память о гражданской войне становится маргинальной в национальном мемориальном ландшафте страны. Процессы нациостроительства требуют другие истории и другую память. Период «советского» времени интерпретируется как колониальный и соответственно актуальными становятся постколониальные исследования и вся топография памяти требует нового философско-культурологического осмысления. Но должны ли быть памяти конкурирующими или нужно попытаться как-то осмыслить все в рамках разнонаправленной памяти?

Статья написана в рамках проекта «Места памяти» в современной культуре Казахстана: процессы коммеморации в публичных пространствах».

Библиографический список:

1. Нора П. Всемирное торжество памяти// Неприкосновенный запас. - 2005. - № 2-3, [Электронный ресурс]. [http:// magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html](http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html) (Дата обращения 10.08.2020).
2. Назарбаев Н. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания [Электронный ресурс]. <https://www.akorda.kz/ru/> (Дата обращения 2.05.2020).
3. Медеуова, К. и др. Практики и места памяти в Казахстане. - Астана, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. - 320 с.
4. Сандыбаева У. Репрезентация травматической памяти в публичных пространствах (на примере Казахстана и Азербайджана)//Азербайджанская демократическая республика -100: Первая парламентская республика на мусульманском Востоке. Материалы международной конференции. - Баку-2018. - с. 1054-1061.
5. Васильев А. Memory studies: единство парадигмы - многообразие объектов.- Новое литературное обозрение.- 2012. 5 (117). - с. 461-480.
6. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. - М.: Новое литературное обозрение. - 2016.- 232 с.
7. Нора П. Франция-память. Ред. П. Нора. - СПб, Издательство Санкт-Петербургского университета. - 1999.- 328 с.
8. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. - М., Новое издательство. - 2007.- 348 с.
9. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. - М., Языки славянской культуры. - 2004 .- 368 с.
10. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. - М., Новое литературное обозрение. -2017.- 272с.

11. Rothberg M. *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization (Cultural Memory in the Present.)*. Calif.: Stanford University Press. 2009.-p.379.
12. Новиков А. Петропавловск: могилы красноармейцев [Электронный ресурс]. <https://pkzsk.info/petropavlovsk-mogily-krasnoarmejjcev> (Дата обращения 15.08.2020).
13. Филиппова Е. История и память в эпоху господства идентичностей (Беседа с действительным членом Французской Академии историком Пьером Нора). - *Этнографическое обозрение*. – 2011. - No 4. - С. 75-84.
14. Рикер П. *Память, история, забвение*. - М., Издательство гуманитарной литературы. - 2004.- 728 с.
15. Эппле Н. *Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах*. - 2020. М., НЛО. - 630 с.